

Дорогому внуку Илье не помешало
в день рождения Крайние воспоминания
о пережитом в годы Великой Отечественной
войны. С уважением бабушка Валда Ах-Зова

«Герой Советского Союза» — это понятие постепенно уходит в историю. Уже нет Советского Союза, очень мало осталось самих Героев. Но люди, живущие ныне в России, должны знать, что такое настоящий героизм, что надо совершить и испытать, чтобы удостоиться такого высокого звания.

Несколько лет назад с единственным в Отрадном Героем Советского Союза, полковником в отставке Иваном Ермолаевичем Малышевым меня познакомила председатель районного Совета ветеранов Изабелла Яковлевна Козяева. Она привела его в редакцию и все время нашей беседы, наверное, уже в который раз, внимательно слушала рассказ героя, вместе со мной вновь переживая все то, что выпало на его долю...

Невысокий, с пристальным взглядом, очень сдержанный человек, он как будто бы даже стеснялся рассказывать о себе, о том, что неоднократно, выполняя приказы командования, бывал на волосок от гибели. Приходилось вновь и вновь задавать вопросы, чтобы разговаривать скромного собеседника. Вместе с тем за каждым словом бывшего военного чувствовалась необыкновенная сила и могучий характер, благодаря которым он прошел через кажущееся сегодня невероятным число испытаний. Кровавый молох войны, унесший миллионы жизней, пощадил лишь немногих, прошедших через ее горнило. Двое из трех родных братьев Ивана Ермолаевича сложили головы в боях за Родину. А он, побывавший в самом пекле сражений Великой Отечественной войны, остался в живых «всем смертям назло». Боевой путь героя отмечен многочисленными ратными подвигами, о некоторых из них он рассказал в своих воспоминаниях.

Ирина КОЛПАКОВА,
депутат муниципального
Собрания района Отрадное

Илья

Так Иван Малышев выглядел в 1940 году,
когда пошел служить в Красную армию
(город Новосибирск)

Учитель начальных классов.
Фотография сделана 11 августа 1939 года
в городе Боготол

«Мы прошли свой жизненный путь честно, достойно, с полной отдачей сил, способностей и возможностей во имя своего народа и Отечества. За нас не будет стыдно ни вам, ни вашим внукам и правнукам».

Иван Ермолаевич Малышев,
Герой Советского Союза,
полковник в отставке

Начало войны

Красноармеец

В 1936-1939 годах я учился в Лукояновском педагогическом училище имени Максима Горького. После его окончания поехал по комсомольской путевке работать учителем начальных классов в неполную среднюю школу села Александровка Боготольского района Красноярского края. Уж очень не терпелось мне, деревенскому пареньку, прокатиться на поезде, побывать в отдаленных краях. Родные, конечно, отговаривали уезжать далеко от дома, мол, в прежние времена в Сибирь только по этапу людей гоняли. Но я настоял на своем. Правда, моя педаго-

гическая деятельность продолжалась всего-то несколько месяцев. Как только 12 августа 1939 года исполнилось 18 лет, получил повестку из военкомата, прошел там медкомиссию и, к моей радости, получил направление в летную школу. Однако жизнь распорядилась иначе – нашу группу почему-то расформировали. Об этом узнал лишь в ноябре, когда меня призвали в ряды Красной армии. В итоге я попал в полковую школу пехоты, проучившись в которой три месяца, получил звание сержанта и был направлен в Ленинск-Кузнецкий в стрелковый полк командиром отделения пехотной части. Как я позже осознал, пехотинец – это тот, кто каждый день в

Герои Советского Союза. Слева направо: Кабанов, Лякин, Можин, Малышев (крайний справа) После госпиталя. Июль 1944 года

бою, и каждую минуту тебя может настичь смерть. Рядом упал снаряд, значит следующий – может быть твоим...

В 40-м до нас стали доходить слухи о предстоящей войне. Как сейчас помню статью в газете «Красная Звезда», где переброска наших войск на запад объясняется «квартирными условиями». Настал день, когда и нам командование сообщило, что направляемся в лагеря. И лишь когда курсанты погрузились в вагоны и поезд тронулся, стало ясно, что движется он на запад. Оказалось, наш путь лежал на Украину, в город Нежин Черниговской области.

Там в школе младших командиров 2-й воздушно-десантной бригады меня назначили командиром отделения курсантов. Началась напряженная боевая учеба, причем проходила она в ускоренном темпе: изучали парашют ПД-6, совершали прыжки с вышки, отрабатывали технику ведения ближнего боя, в основном штыкового, совершали марши... День за днем совершенствовалась наша боевая выучка. Тогда мы и не догадывались, что совсем скоро все приобретенные навыки нам очень и очень пригодятся.

«Мы разом повзрослели на десяток лет»

22 июня 1941 года наша десантная часть находилась в лагерях, километрах в семи от Нежина. В этот солнечный воскресный день у большинства наших курсантов было прекрасное настроение. На опушке молодого соснового леса проводились спортивные состязания, а в минуты отдыха мы с товарищами обсуждали, кто в какой инсти-

тут будет поступать после армии. Нам и невдомек было, что уже несколько часов полчища врагов продвигаются в глубь нашей страны.

Где-то за полдень на небольшую взлетно-посадочную полосу, находящуюся рядом с нашей тренировочной площадкой, вдруг приземлился самолет У-2. Прилетевший командир 2-й воздушно-десантной бригады полковник Ломако принес нам страшную весть о том, что 22 июня в 4 часа утра фашистско-немецкая армия вероломно напала на Советский Союз. Началась война. Куда подевались наши шутки, смех, мы как будто разом повзрослели на десяток лет. Полковник отдал приказ: «Палатки снять, замаскировать следы пребывания, быть бдительными и укрыться в лесу до особого распоряжения».

В первых числах июля согласно приказу мы сдали личные вещи и, облачившись в новенькое обмундирование, отправились, как потом стало ясно, в населенный пункт Дарница под Киевом. Переждав под вой сирен очень тревожную ночь, утром зашагали в сторону столицы Украины. Впервые нашему взору предстали жертвы фашистских бомбардировок, убитые горем, рыдающие женщины и старики... Отступающие войска Красной армии вызывали у нас возмущение, нам это тогда казалось странным и чем-то из ряда вон выходящим. Сердца наполнялись горечью и решимостью, во что бы то ни стало дать отпор врагу...

Когда шли по Крещатику, люди подносили нам кувшины с водой и одновременно давали листочки бумаги и карандаши. На ходу я успел написать адрес и пару слов своим родным: «Я иду в бой». Потом уже узнал, что весточка моя дошла до дома.

Оборона Киева

«Бейте фашистов до последнего патрона!»

И вот настал день, когда комиссар нашей школы Кулаков сообщил, что наконец-то мы выдвигаемся на передний край. Эту новость мы встретили с большим энтузиазмом. На передовую шли с песнями, и не совсем еще до конца осознавали, почему плачут, глядя на нас, местные жители. Нам больше импонировали пацаны, бежавшие вслед за нами с радостными криками: «Вот эти дадут немцам!»

За 1,5-2 километра от линии фронта хорошо стали видны то и дело, вспыхивающие на ночном небе разноцветные ракеты, пунктиры трассирующих пуль. Где-то ухали выстрелы орудий и совсем близко раздавались оглушительные разрывы снарядов и мин. Глубокой ночью мы тихо продвигались по лесу и в первый раз видели, что такое передний край: воронки от бомб и снарядов, развороченные повозки, обгорелые, расщепленные деревья, трупы лошадей, источавшие тяжелый дух... Под утро заняли исходную позицию на рубеже Житомир-Киев, и командир взвода младший лейтенант Забанов поставил очередную боевую задачу – взять дорогу на Киев. Безо всякой артподготовки подразделения перешли в наступление. Настроение было бодрым, в строю шутили, мол, так и до Берлина дошагаем. Тогда мы были слишком неопытны, и нас не насторожила легкость, с какой мы продвигались вперед. Однако вражеское сопротивление нарастало, уже появились убитые и раненые. Заполит, почувствовав неладное, заметил, что вроде бы немцы идут за нами. Увы, хитрый маневр фашистов был разгадан слишком поздно – нас рассекли на две группы и окружили. Положение усугублялось тем, что отсутствовала какая-либо связь со штабом бригады, и следовательно, помощи ждать не приходилось. Фашисты все крепче сжимали кольцо, мы уже видели их каски, слышали гортанный немецкий говор, глаза ослепляли осветительные ракеты. Думаю, немцы тогда были уверены в том, что наша судьба предрешена, и мы сдадимся в плен.

Отдельно скажу несколько слов о нашем комиссаре Кулакове. Он был участником боев у озера Хасан в 1938 году, за что заслужил награду – орден Красной звезды. На политзанятиях комиссар воспитывал в нас чувство патриотизма на примерах мужественных и героических поступков коммунистов и комсомольцев. После его рассказов у меня оставалось чувство, что это какие-то совершенно необыкновенные люди. Говорить и убеждать он умел очень хорошо.

В сложившейся напряженной ситуации, наверное, не только у меня, но и у многих наших бойцов возник один и тот же вопрос: «Как же ты поступишь, комиссар?» Взоры всех были обращены только на него, ждали его решения.

Но и в столь критической боевой обстановке наш комиссар оказался на высоте. Спокойным, уверенным голосом Кулаков скомандовал: «Примкнуть штыки!» С пистолетом в руке и возгласом: «За Родину! За Сталина! За мной, вперед!» – он устремился на врага. Курсанты, как один, поднялись и ринулись в свой первый, а для многих ставший последним, бой. Мы ворвались во вражеские боевые порядки, на ходу расстреливая, забрасывая фашистов гранатами. Завязалась рукопашная схватка, десантники ловко, как на занятиях, орудовали штыками винтовок СВТ. Для фашистов яростная, дерзкая атака стала неожиданностью, они, вооруженные автоматами, стремились оторваться от нас. И все-таки силы наши были слишком малы, чтобы разорвать кольцо. Кончались патроны, гранаты, замолкали пулеметы... Немало полегло наших ребят, убиты были командиры взводов, тяжело, в живот, ранен комиссар. Перед тем, как спустить курок своего пистолета, он успел произнести: «Бейте фашистов до последнего патрона! Вы меня не спасете. Сдаваться фашистам я не буду...»

Гитлеровцы, воспользовавшись слабостью нашего огня, перешли в контратаку. Солдат из моего отделения с ранением в руку попросил: «Не бросай, сержант! Спаси!» Отстреливаясь, мы стали отходить к лесу. У меня оставалась последняя граната, и мы с товарищем решили, что сдаваться в плен не будем, а в случае чего подорвем себя. Пройдя по лесу несколько десятков метров, чуть в стороне, увидели сидящих немцев. Но почему-то они не окликнули, не погнались за нами, должно быть считали, что никуда мы все равно не денемся. Одним словом, нам повезло. Мы выбрались к своим...

Таким был мой первый бой, а впереди много-много сражений, непохожих друг на друга.

Из-под танка

После тяжелых оборонительных боев на рубеже Житомир-Киев наши войска, в том числе 2-я воздушно-десантная бригада, яростно сопротивляясь, отходила к Киеву. Сражения не прекращали ни днем, ни ночью. Наши позиции подвергались непрерывной бомбежке немецкой авиации и интенсивному обстрелу артиллерии. В ротах оставалось по 20-30 человек...

По приказу командира роты старшего лейтенанта Монастырского мое отделение из пяти человек было выдвинуто для прикрытия дороги от вражеских танков. Конечно, пять человек, вооруженных вместо противотанковых гранат бутылками горючей смеси, прикрыть это направление не могли. Но приказ есть приказ. Пусть ценой своей жизни, но мы обязаны были преградить путь к Киеву.

За ночь пришлось вырыть и замаскировать глу-

бокие щели. Утром 16-17 августа 1941 года фашисты начали усиленный артобстрел, под грохот которого появились вражеские танки. С каждой минутой сокращалось расстояние, отделяющее нас от чудовищных бронированных громадин с крестами на борту. Подготовленные нами боеприпасы были под рукой, но оказалось не так-то просто попасть бутылкой из траншеи в уязвимое место танка. Когда один из них подошел достаточно близко, в него полетели бугылки, и железное чудовище охватило пламя. Однако горящий танк продолжал надвигаться на нас. Тогда я выбрался из траншеи для нового броска, но ударной волной от выстрела из танкового орудия меня отбросило в сторону.

Очнулся в воронке от авиационной бомбы, рядом со мной в луже крови лежали два тяжелораненых бойца. Вокруг меня установилась удивительная, непонятная тишина, страшная боль сковывала тело, не давая

пошевелиться... Чуть позже я догадался, что контужен, а по напряженному выражению лиц раненых понял — нам угрожает смертельная опасность.

Вдруг затряслась земля, посыпались комья почвы, и на нас навалилось черное тело танка. Не знаю, сколько я пролежал в этом страшном мраке, задыхаясь от выхлопных газов. Но очнулся от сильного толчка, меня кто-то тянул за руку. «Немцы!» — мелькнула тревожная мысль, но встать не смог. Где я, что со мной — не понимал. Оказалось, боевые друзья и медсестра Лена Пугач сумели выгнать меня и оказали первую помощь. Чуть позже я был отправлен в бригадный медицинский пункт. Там меня хотели было эвакуировать в тыл, но я упрямился и остался в бригаде и уже через три дня вернулся в свое подразделение. А в двадцатых числах августа 1941 года нашу сильно поредевшую бригаду вывели с переднего края в район Борисполя.

И снова передний край

Во второй половине августа 1941 года 2-я воздушно-десантная бригада под командованием полковника Ломако была перебросена на передний край в район города Короп Черниговской области. Вечером 25 августа 1941 года подразделениям бригады была поставлена боевая задача: стремительной ночной атакой уничтожить немецко-фашистские подразделения, расположенные в населенных пунктах Жолтнево, Григорьевка и, продолжая наступление, освободить город Короп. Ночью на машинах нас подвезли к исходной точке, с ходу мы атаковали врага, и утром после сильных боев город был освобожден. На другой день после успешно проведенной операции, фашисты с самолета разбросали листовки: «Банда Ломако будет уничтожена», «Серп и молот

— нужда и голод», «Бей жиду политрука — рожка просит кирпича», «Бери в руки хворостину, гони жиду в Палестину». Внизу на листовках было приписано, что они являются пропуском на немецкую территорию, достаточно с ними подойти к какому-нибудь немецкому контрольному пункту или переднему краю и прокричать указанный текст.

До конца августа мы удерживали оборону, а в ночь с 1 на 2 сентября подразделениям бригады было приказано без шума, соблюдая все меры маскировки, покинуть траншеи и сосредоточиться в районе населенного пункта Жолтнево. Даты эти хорошо запечатлелись в моей памяти, потому что в начале сентября солдатам начали давать водку, причем на этот раз потребление ее почти не ограничивалось и многие изрядно выпили. Я тогда подумал — что-то тут не так...

В тылу врага

Засада

Далее последовали еще более странные события, приведшие многих к гибели. Ночью личный состав подразделений бригады был посажен на машины. Наша колонна вместе с артиллерией, танкетками, штабными машинами двинулась в путь. Машин не хватало, они были буквально набиты солдатами. Замечу, что перед совершением марша задача личному составу поставлена не была, и мы лишь догадывались, что движемся в сторону Конотопа. А тем временем фашисты уже поджидали нас в районе рабочего поселка Батурино.

Засада мотоциклетного подразделения встретила колонну кинжальным огнем, вызвавшим панику в наших рядах. Непонятно было, где немцы, где наши, куда стрелять? Беспорядочные метания солдат остановил начальник штаба бригады майор Овчинников. С пистолетом в руке он встал против людского потока: «Куда бежите?! Вперед!» Бойцы были сгруппированы по подразделениям и открыли ответный огонь по противнику. Однако отсутствие четкого единого руководства действиями подразделений не позволило отбросить противника, а к утру стан врагов укрепился подошедшими к этому времени танковыми частями. Превосходящие силы противника расчленили и уничтожали подразделения бригады. Те, кто чудом остался в живых, неожиданно оказался в глубоком вражеском тылу.

В сложившейся обстановке надо было что-то срочно предпринимать. Когда едва забрезжил рассвет, ко мне подбежал знакомый водитель Звягин-

цев. Я предложил моим ребятам сесть в машину и на большой скорости проскочить мимо немцев. Это, конечно, было ребячество, тем более что из нашей затеи ничего не вышло – гитлеровцы открыли огонь такой силы, что машину пришлось развернуть и спешно покинуть. Большой удачей для нас стала случайно найденная в брошенной легковой машине секретная карта с нанесенной обстановкой. Мы теперь могли ориентироваться на местности и принимать правильные решения, чтобы выбраться из фашистского пекла.

Бой на пасеке

Помог нам, горсточке красноармейцев из восьми человек, сторож колхозной пасеки Гавриил Фадеевич Есипенко (его имя я узнал уже после войны). Мы повстречались в лесу, и вместе с ним пошли на пасеку. По дороге сторож рассказал, что в ближайших населенных пунктах Алтыновка и Атюша очень много немцев, а церковь забита русскими военнопленными.

На пасеке Гавриил Фадеевич накормил нас изголодавшихся хлебом и медом. Беседуя с ним, лишней раз убедились, что он преданный Родине человек. Мы тоже признались ему, что в плен сдаваться не собираемся, будем бить фашистов и пробираться к своим, на восток. На дорогу пасечник дал нам рамку, полную меда. Она-то и послужила причиной последующих событий.

Спустившись из рощи, где находилась пасека, мы повстречали на луку двух пожилых мужчин и мальчишку, которые пасли коров. Старики, подойдя к нам,

После госпиталя. Июль 1944 года.
Мальшев (крайний справа)

неожиданно со злорадством заявили: «Ваша песенка спета. Разве ж вы можете устоять против такой силы?! У вас один выход – сдать в плен. Если стесняетесь, мы вам поможем». От таких слов мурашки побежали по коже, нас словно бы окатили ледяной водой. Но совсем недалеко находились фашисты, и потому нам приходилось держать себя в руках, не проявлять излишних эмоций. Тем более что, заприметив у нас рамку с медом, пастухи смекнули, где мы ее взяли.

В плен сдаваться мы, разумеется, не собирались и повернули обратно на пасеку. Там рассказали Гавриилу Фадеевичу о случившемся. Возмущившись словами стариков, пасечник поведал нам, что те рано утром встречали немцев с иконами...

Чуть позже, обсуждая новый маршрут нашего движения, я случайно глянул вниз косогора и оторопел: в нашем направлении по тропинке шли десять немцев, возглавляемых одним из встреченных на луку стариков. День был теплый, и фашисты шли беспечно: с закатанными рукавами, болтавшимися на шее автоматами, и что-то кидали в рот из касок, висевших на локтях. Медлить было нельзя. Гостеприимного хозяина я попросил срочно покинуть пасеку, а отделение развернулось в 20-30 метрах от тропинки, идущей к шалашу. Как только немцы поравнялись с нами, мы открыли огонь и забросали их гранатами. А затем, спешно захватив два автомата у убитых фашистов, побежали оврагами на восток.

Так начался наш путь к своим войскам по территории, занятой противником. Продолжался он более 20 суток, за это время мы прошли около 200 километров.

Еще одна тревожная ночь

Наверное, худшего состояния и большей тяжести на душе мы никогда не испытывали, чем во время нахождения на территории, временно оккупированной фашистами. С болью в сердце видели их безнаказанное хозяйничанье в наших селах и домах. Невольно вставал вопрос: как случилось, что фашисты топчут нашу землю, а мы, ее истинные хозяева, чувствуем себя бесправными? Прямого ответа на него мы не находили, но, не смотря ни на что, были глубоко убеждены в скорейшем изменении обстановки в нашу пользу...

На оккупированной территории во всех населенных пунктах на видных местах были расклеены приказы немецкого командования, гласящие, что за укрывательство и содействие красным – высшая мера наказания. Поэтому ночевать приходилось в снопах, скирдах соломы, сена и т.д. За пищей очень осторожно, чтобы никто не видел, заходили в дома, которые находились в стороне от магистралей. Большинство граждан относилось к нам с сочувствием и оказывало всевозможную помощь. По мере продвижения мы уничтожали вражескую проводную связь, отдельные машины, мотоциклистов...

В один из воскресных дней наша группа подошла к большому населенному пункту и, заметив, что из него выехала машина с немцами, решили зайти. Люди, сидевшие у крайних домов, очень удивились нашему появлению: сельская жизнь идет по немецким законам, а тут – красноармейцы с оружием. От местных жителей мы узнали,

Радист Мальшев после лечения и отпуска. Апрель-март 1945 года. Прибалтика

что наши войска несколько дней назад оставили село Шалыгино, находящееся в семи километрах отсюда, и отступили к районному центру Крупецк в Курской области. Сельчане принесли нам молока, хлеба и подсказали место для ночевки - на риге, что находилась у окраине села у свинофермы и других колхозных построек. Без труда мы нашли этот сарай с огромной копной свежей соломы, на которой валялись немецкие газеты и журналы. Устраиваясь на ночлег, я предусмотрительно выставил у сарая пост.

Прошло совсем немного времени, как часовой доложил, что слышен шум приближающихся машин. Я приказал всем глубоко закопаться в солому. Через несколько минут автомашина остановилась где-то рядом, послышался скрип открывающихся ворот, заиграли губные гармошки и вражеские солдаты стали забираться на солому. «Долго ли пробудут немцы? Выдержат ли ребята?» — эти и другие подобные вопросы лихорадочно крутились у меня в голове. Обдумывая разные варианты действий на случай, если фашисты нас обнаружат, я приходил к неутешительному выводу, что гибель наша неизбежна. И это после того, как мы прошагали сотни километров к своим! Ночь показалась вечностью...

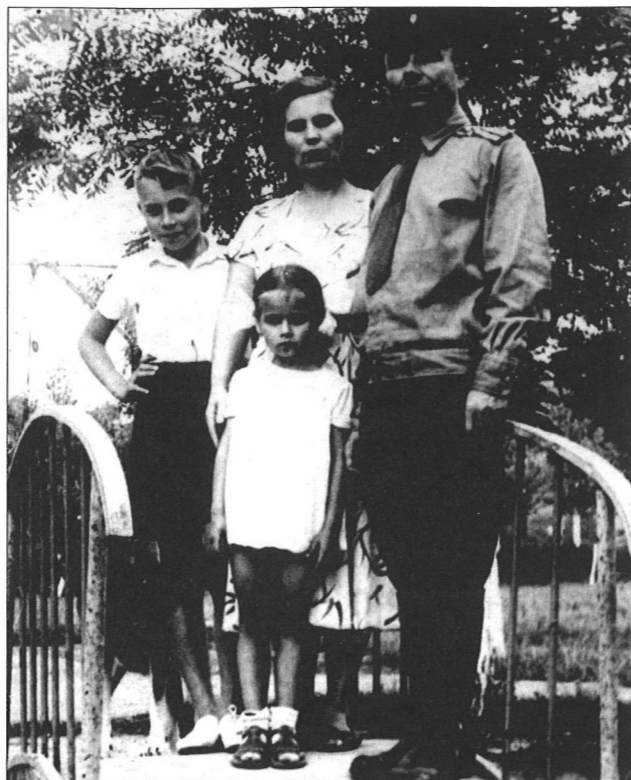
К счастью, все благополучно завершилось. Рано утром немцы поднялись, завели машину и немного отъехали от сарая. Слышно было, как завизжали поросята, а потом машина удалилась. Первым из нашего укрытия вылез я и некоторое время не мог встать на онемевшие от напряжения ноги, то же происходило и с моими товарищами.

А на следующий день мы наконец-то вышли на нейтральную территорию в село Шалыгино. Но и этот участок пути не был для нас простым.

Нас осталось семеро...

На пути в Шалыгино наша группа должна была пересечь шоссе, по которому непрерывно двигались фашистские войска. До наступления темноты определили участок для перехода и расположились метрах в трехстах от дороги в копнах соломы, откуда наблюдали за движением колонны войск противника. С нашей стороны шоссе прикрывалось узкой полоской деревьев, тянувшейся вдоль дороги. С одной стороны, это было хорошо, но с другой — мешало наблюдению.

Мы тщательно проработали план действий. Решили, что, как только представится возможность, очень осторожно вперед пойдет боец Иван Палеха. Остальное отделение в количестве семи человек цепочкой будет перемещаться в обозначенном направлении и в случае необходимости прикроет огнем нашего солдата. Ивану были также указаны направления отступления и установлен сигнал опасности, который он должен был в случае чего дать. Подходящего момента пришлось ждать довольно долго, нескончаемым потоком тянулись бронемашин, машины с пехотой, артил-

Семья Малышевых. 1960 год.
Город Эстергом (Венгрия)

лерией, снарядами... Но вот, наконец-то, в воздухе повисла тишина. Мы посчитали, что шоссе свободно, приготовили все наше оружие: две оставшиеся ручные гранаты, два немецких автомата с обоймами и винтовки СВТ. Начали перемещаться по намеченному плану с соблюдением всех мер предосторожности. Прошли метров 250 — все спокойно. Но когда до лесной полосы, в которую уже нырнул Палеха, оставалось менее сотни метров, вдруг раздался его душераздирающий крик: «Мама!!!» Отделение вжалось в землю, ожидая, что будет дальше. Но вновь установилась тишина, нас никто не преследовал. Мы решили вернуться на исходное положение. Но боевого друга Ивана Палеху мы так и не дождались...

Дорогу наша группа благополучно проскочила в другом месте и под вечер следующего дня добралась до села Шалыгино. Не верилось, что удалось вырваться из фашистского окружения. Впервые за всю войну мы смогли насладиться домашним теплом, немного отдохнуть в человеческих условиях, привести себя в порядок... Когда сельчане узнали, что мы воевали с фашистами и более 20 суток выходили с оккупированной территории, их интерес усилился. Вскоре вокруг нас собралась вся улица. До поздней ночи нас расспрашивали местные жители. Мы с удовольствием отвечали на их многочисленные вопросы. Так приятно было слышать и видеть родных людей, чувствовать их поддержку и жгучую ненависть к оккупантам. Нам хотелось быстрее влиться в действующую армию и еще ожесточеннее бить фашистских захватчиков. Однако...

После выхода из окружения

Страшнее рукопашного боя

Утром 21 сентября 1941 года мы встали рано, почистили оружие и после завтрака направились в районный центр Крупецк. В это время там горел элеватор с зерном, на улицах взволнованно суетились местные жители. Нам казалось, что наша помощь здесь не будет лишней, и хотели, было, присоединиться к саперному подразделению, которое в тот момент восстанавливало мост. Но командир не принял нас, а посоветовал направиться в ближайшие райвоенкоматы и взять направления в часть.

На попутной машине пришлось добираться до города Льгова, где в военкомате я сдал секретную карту, вынесенную из окружения, показал по ней пройденный путь. Военком с большим интересом внимал нашему рассказу, задавал множество вопросов, а затем дал направление в запасной полк, располагавшийся под Курском. Но нам, горячим головам, не терпелось попасть на фронт, потому было решено прямиком следовать в район боевых действий.

По дороге в лесу мы наткнулись на машину-полторку, застрявшую в глубокой колее. Судя по всему, ее уже длительное время тщетно пытались вытолкнуть два офицера, сержант и водитель. Немецкая артиллерия усиленно обстреливала этот район, и снаряды с каждым разом все ближе ложились к забуксовавшей машине. С нашей помощью полторку без труда удалось вытянуть из рытвины. Офицер стал расспрашивать, откуда мы и какая часть нам нужна. Я, как положено, доложил, что мы вышли из окружения и ищем штаб, чтобы определиться в боевое подразделение. Затем по приказанию офицера сели в машину в надежде, что скоро прибудем в штаб. Но в ближайшее время нашим планам не суждено было сбыться...

Нас доставили в особый отдел СМЕРШ, разоружили, а потом вызвали на допрос. «Почему попали в окружение?! Не хотели воевать, бежали?» — раздраженно, стуча кулаками по столу, спрашивал меня капитан. Неожиданные обвинения и оскорбления, которым мы подвергались при допросах, повергли нас в смятение.

Под вечер всех построили и в сопровождении двух офицеров и трех сержантов повели куда-то на восток. Голодные, подавленные, мы не знали чего ожидать. На привале нас никто не кормил, и мы решили пошарить по огородам в поисках ка-

пусты и моркови. Вдруг сопровождающий нас лейтенант приказал: «Сержант Малышев, ко мне!» Я подошел. «Ты что собрал своих подчиненных? Инструктируешь, что им говорить, предатель?!» — гневно выкрикнул он. Я попытался объяснить, о чем шел разговор, но лейтенант и слушать меня не хотел и приказал встать у стенки сарая. «Я тебя расстреляю как предателя Родины», — рявкнул он, целясь в меня из пистолета. «Стреляй... Но я — не предатель...» — проговорил я. На шум подошел другой лейтенант, что-то ему шепнул, и тот опустил оружие.

Трудно передать шоковое состояние, которое охватило меня в эти мгновения, показавшиеся мне страшнее рукопашной схватки. Всю ночь мы не спали... В голове зарождались разные безрадостные мысли, предположения о нашей дальнейшей участи... На следующий день на станции Суджа нас с другими командами погрузили в товарный вагон и впервые за все время выдали сухой паек.

Оказалось, нас везли в запасной полк, располагавшийся в лесу под Воронежем. Здесь наше появление вызвало у окружающих повышенный интерес. Посыпались вопросы о том, как идут дела на фронте, какое оружие у фашистов и т.д. Мы, отчасти приободренные таким вниманием, рассказали несколько военных эпизодов. А вечером я вновь был вызван в особый отдел, возглавляемый майором. После беседы со мной он вдруг взял какой-то листок с записями и спросил: «Так что товарищ Малышев, ты рассказываешь всем в полку, что на фронте наши бегут? Танков и самолетов у нас нет?...» Я пытался пересказать то, что говорил на самом деле, но он не давал мне слова, кричал, называл предателем Родины и т.д. Столь же унижительной процедуре подверглись и все мои подчиненные. Их пугали, шантажировали... Такой кошмар повторялся каждую ночь. У моих товарищей стали появляться нездоровые мысли, кое-кто уже хотел покончить с жизнью... Нелегко мне было вселить уверенность в моих друзей, заставить поверить в благоприятный исход и победу справедливости.

Не знаю, чем бы эта жуткая для нас история закончилась, но Воронеж стал подвергаться бомбежке. Срочно начали формироваться маршевые роты, в которые принимали всех желающих. После всего пережитого мое отделение записалось первым, и через два дня мы с радостью поехали бить врагов. Это был конец ноября 1941 года.

Сталинградский фронт

«Из огня — да в полымя»

До Сталинграда 23-я стрелковая дивизия действовала в составе 3-й ударной армии Северо-западного фронта. С 13 по 25 февраля 1942 года она участвовала в окружении Демянской группировки противника в составе шести дивизий. Из-за болотистой местности продовольствие и боеприпасы доходили до нас с огромным трудом. На день выдавали только один сухарь и болтушку из ржаной муки и то без соли. Продвигаться вперед при таком скудном питании и недостаточной артподдержке было чрезвычайно сложно. Но и в таких тяжелейших условиях нам удавалось вести наступательные бои, и 9 марта 1942 года части дивизии после упорных боев освободили село Молвотицы. И все-таки в связи с переходом противника к активным действиям и ухудшением положения на фронте с 22 марта наша дивизия вынуждена была перейти к обороне на рубеже западнее населенных пунктов Бель-2 и Бель-1.

А вскоре наша стрелковая дивизия отбыла на Сталинградский фронт.

18 августа 1942 года наш 89-й стрелковый полк на перегоне железнодорожных станций Фролово—Лог выгрузился и до наступления темноты расположился в кустарниках. На станции горели вагоны после недавней бомбежки. Я и мои товарищи решили поискать там что-нибудь из еды. Нашли в ящиках что-то вроде фасоли, наполнили котелки и в расположении поделились с другими. Когда ее отварили и немного попоробовали — у всех сильно расстроился желудок, семена-то оказались... касторовыми. Тут же вмещались сотрудники СМЕРШ, которые посчитали наши действия за сознательное уклонение от боя. Начались допросы. Было мучительно тяжело и физически, и психологически. Через несколько часов, совершенно ослабленные, мы начали марш. От трибунала нас спасло только то, что полки дивизии сходу вступили в бой с превосходящими силами противника. Как говорится — «из огня да в полымя».

Даже мне, повидавшему и испытывавшему к этому времени немало, эта битва показалась страшной. Вражеские самолеты не улетали с поля боя. От разрывов мин и снарядов горела земля, полыхала пшеница. Не успевали убирать тела убитых, от жары они быстро разлагались и источали чудовищный запах, становившийся к вечеру просто нестерпимым. Пищу нам могли доставлять только рано утром или поздно вечером. Раскаленный, пропитанный гарью воздух, нестерпимый, как у доменной

печи, зной, мучительная жажда создавали адские, почти невыносимые условия... При этом ожесточенные бои шли каждый день. Но только к 26 августа 1942 года наш полк продвинулся на несколько сотен метров вперед, захватил хутор и ворвался на северную окраину Ближней Перекопки. Однако противник не собирался сдаваться и, подтянув резервы, перешел в контратаку. Это страшное кровопролитное противостояние перешло в рукопашную схватку и унесло жизни многих солдат с обеих сторон. Ценой огромных потерь противнику все же удалось выбить нас с захваченной территории. В этой мясорубке я чудом остался в живых, отделавшись контузией, полученной от разрыва бомбы.

Наступление

С большим энтузиазмом мы встретили доклад И.В. Сталина на торжественном собрании 6 ноября 1942 года, где он сказал, что недалек день, когда сталинградские степи станут кладбищем для немецко-фашистских захватчиков. Скрытно шла подготовка к решительному наступлению наших войск под Сталинградом.

Из 89-го стрелкового полка меня перевели в 117-й стрелковый полк и стали готовить в радисты. Пришлось изучить радиостанцию, а главное — азбуку Морзе и передачу на ключе. В тылу противника не будешь в микрофон кричать, например: «Орел! Орел! Я Кама. Прием...» А морзянка позволяет послать сообщение на большое расстояние — и слышимость лучше, и зашифровано. Уже через месяц я стал радистом третьего класса, принимал 75 знаков в минуту, знал правила работы на радиостанции. Без ложной скромности скажу, таких, как я — в дивизии было не много. А ведь главным средством сообщения на протяжении всех наступательных боев была радиосвязь.

И вот утром 19 ноября мощная артиллерийская канонада, длившаяся больше часа, возвестила о начале контрнаступления наших войск под Сталинградом. Было пасмурно. Над передним краем стоял густой туман, что не позволило с утра применить нашу авиацию. От артиллерийской подготовки стоял сплошной гул, дрожала земля, не слышно было даже голоса рядом стоящего человека. Потом вперед пошли наша пехота и танки. Несмотря на мощный удар, враг оказывал упорное сопротивление. Ожесточенные бои часто переходили в рукопашные схватки. Но мы чувствовали свою силу, и настроение солдат было приподнятым.

В Муромском училище связи. 1946 год

И один в поле — воин

В один из ноябрьских дней к наблюдательному пункту командира полка прибежал солдат и с волнением доложил начальнику штаба полка, что в балке, правее наблюдательного пункта, минут 20 назад он видел группу немцев. Начальник штаба приказал одному из офицеров взять с собой меня, солдата с автоматом и проверить. Стоял густой туман, видимость была не более 70 метров. Подойдя к балке, офицер приказал мне спуститься вниз, а солдату двигаться на видимом расстоянии за мной, сам он шел замыкающим.

С небольшими остановками я стал осторожно продвигаться вперед, пока не разглядел сквозь молочную пелену тумана проблески костра. Оглянулся назад — солдата, следовавшего за мной, не было видно. На свой страх и риск решил пойти один и выяснить, чей это костер. Но по едва различимым силуэтам людей невозможно было понять — наши это или немцы. Крадучись подошел на максимально близкое расстояние и тут-то разглядел, что у костра грелись пятеро фрицев. Пока они меня не заметили, стал спешно сообщать, как поступать дальше. Решил действовать, рассчитывая на внезапность. «Хенде хох!» (Руки вверх!), — закричал я как можно громче и дал по-

верху очередь из автомата. Фашисты от неожиданности оторопели и, очевидно, думая, что окружены, подняли руки. Показав им направление движения, я следовал за ними, держа оружие наготове. Откровенно говоря, сам я не был уверен, в правильном ли направлении мы перемещаемся, поскольку из-за густого тумана сложно было ориентироваться. Но интуиция меня не подвела, и вскоре мы вышли на наших артиллеристов. Правда, они, увидев немцев, чуть было не открыли огонь из автоматов. Но, к счастью, поняли мои отчаянные сигналы и не сделали этого.

О произошедшем я доложил старшине артдивизиона и попросил взять пленных немцев. Но он отказался и предложил их расстрелять. На шум подошел капитан, который и решил вопрос. После этого по телефонному кабелю, идущему от артиллеристов, я вышел на наш наблюдательный пункт полка, где, конечно, обрадовались, увидев меня живым и невредимым. Как выяснилось, офицер и солдат, идущие следом за мной, услышав стрельбу, вернулись на наблюдательный пункт и доложили начальнику штаба, что сержант Малышев встретился с немцами, идет стрельба, требуется подкрепление. На помощь было послано подразделение, но меня, естественно, не нашли.

На Казачьем кургане

Вечером 28 ноября наш 117-й стрелковый полк форсировал по тонкому льду Дон и, преодолев сопротивление противника, утром 29 ноября овладел станцией Песковатка. А дальше мы вышли к Казачьему Кургану и вынуждены были остановиться. Здесь части 23-й стрелковой дивизии задержались с конца ноября 1942 года до 10 января 1943 года.

Голая местность, морозы 20-28 градусов. Мерзлый грунт, совершенно не поддающийся кирке. В целях маскировки приходилось прикрываться от противника снежным валом, который, конечно же, не мог защитить от пуль и лишь спасал от ветра. Я никогда бы раньше не поверил, что человек может выдержать такие морозы под открытым небом не один день и даже не неделю, а месяц. При этом нельзя было встать, согреться хотя бы в движении, ведь впереди — вооруженный до зубов противник,

готовый воспользоваться любой оплошностью. Пищу могли получить в лучшем случае один раз в сутки и то ночью, и часто уже остывшую. Мы — все это выдержали. Вернее, выдержали, но не все... Немало было обмороженных людей, не помогли даже полшубки и валенки.

Сейчас размышляя о том, как нам удалось в столь суровых фронтовых условиях выжить, думаю, что все дело — в нашей молодости.

Как мы захватили аэродром

15 января после мощного огневого налета полки дивизии овладели Ново-Алексеевским. Были захвачены пленные, большие трофеи. Преследуя противника, мы увидели три вражеских самолета Ю-87, поднимающиеся из-за горизонта. Машины покружились над нами и, не сделав ни одного выстрела, ушли за горизонт.

Когда мы поднялись на высоту, то сразу обратили внимание на видневшиеся вдали черные силуэты и подумали, что это населенный пункт. На самом деле это оказался... полевой аэродром противника, заставленный самолетами, автомашинами, штабелями авиационных бомб, бочками с бензином и т.д. Фашисты не ожидали столь быстрого подхода наших войск и не успели увести самолеты. На огромном поле, окутанном черным маревом от горящей техники, завязался рукопашный бой. Схватки шли у самолетов, машин, землянок... Часть немцев отступила и в нескольких сотнях метров от аэродрома продолжала вести ружейно-пулеметный огонь. Но под нашим натиском им ничего не оставалось, как сдаться в плен.

Наши ребята умудрились транспортные самолеты превратить в сносное жилье, установили там буржуйки, вывели трубы и затопили. Панели

с навигационными приборами и часами были разукомплектованы на сувениры. В одном из самолетов устроился и я и, развернув свою рацию, стал помогать начальнику штаба полка майору Пахомову отдавать распоряжения, уточнять обстановку.

На захваченном аэродроме оказалось много складов с провизией: галетами, консервами и т.д. Наша пехота увлеклась трофеями. Часть немцев, поняв безнадежность своего положения, бросав свои автоматы, вместе с нами стала набирать продовольствие, готовясь к плену. Удивительная обстановка: на немцев никто не обращал внимания...

В результате этой операции у противника было захвачено 320 самолетов, 300 машин, 23 танка, мотоциклы, госпиталь, мастерские, склады... Быстрый захват аэродрома внес путаницу в планы немецкого командования.

На Курской дуге

Куриная слепота

21 февраля 1943 года 23-я стрелковая дивизия прибыла на станцию Елец и выступила на марш по маршруту Елец—Курск—Фатеж. 1 марта личному составу было объявлено, что 23-я Краснознаменная ордена Ленина стрелковая дивизия за отвагу, проявленную в боях за Отечество с немецко-фашистскими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность бойцов и командиров, преобразуется в 71-ю гвардейскую ордена Ленина Краснознаменную дивизию. Соответственно были переименованы и наши полки: 117-й стрелковый полк стал 213-м Гвардейским стрелковым полком, 89-й стрелковый полк — 210-м Гвардейским стрелковым полком, 225-й — 119-м.

Передний край 213-го Гвардейского стрелкового полка проходил недалеко от населенного пункта Дмитриевка, где находился штаб полка. Жители села очень доброжелательно относились к нам. В первые дни, когда тылы отставали, их помощь была просто неоценима. Они стирали нам белье, варили картошку, добавляя в нее вместо соли суперфосфат. Ничего — мы ели, да похваливали. Молодежь с удовольствием принимала участие в рытье окопов.

Длительный марш и скудное питание ослабили мое здоровье. Я заболел странной болезнью — куриной слепотой. Приступ недомогания случился неожиданно. Я возвращался из села Дмитриевки, недалеко от которого в то время проходил передний край, и в пути неожиданно ослеп. Решил идти по памяти и угодил в котлован с водой, откуда не мог выбраться. Хорошо, что мой крик услышали солдаты-артиллеристы, огневые позиции которых находились недалеко. Они-то и выгнали меня, и довели до места назначения. Наверное, целую неделю надо мной подшучивали друзья: то папироску не тем концом подадут, то котелок уберут... По вечерам в землянке стоял хохот. К счастью, все обошлось хорошо. Врач поправил мое здоровье, и я вновь стал полноценным бойцом.

Язык

Ни для кого не было секретом, что немцы готовятся к наступлению, и командованию важно было знать обо всех изменениях в стане врага, их могла дать только разведка.

В начале мая 1943 года начальником разведки дивизии была поставлена задача — взять языка на участке 213-го Гвардейского стрелкового полка. Для ее выполнения была подобрана группа из дивизионной и полковой разведок, в которую вошел и я.

Когда в 12 часов мы выдвинулись из расположения стреловой роты 2-го стрелкового батальона, начался моросящий дождь. Под прикрытием этих погодных условий мы уже почти переползли нейтральную зону, сделали проходы в проволочном заграждении, но немцы, видимо, что-то заметили и участвовали обстрел. И все-таки, совершив еще один решительный бросок, мы оказались у цели — во вражеской траншее. Я находился в группе захвата и должен был засунуть кляп в рот немцу, но он оказался «крепким орешком» — вырывался, всячески сопротивлялся, и, изловчившись, нанес мне сильный удар по носу, да так, что я потерял сознание. Однако наши разведчики не растерялись, быстро связали языка и вместе с ним выбросили из траншеи и меня. Гитлеровцы открыли огонь, забросали передний край осветительными ракетами. Пленный извивался, крутился, цеплялся ногами, так что разведчику Мишанину периодически приходилось усмирять его ударами приклада. Когда наконец-то доползли до своих траншей, выяснилось, что три разведчика в результате этой операции получили ранения, я отделался переломом переносицы и отеком глаз, но самым досадным оказалось то, что Мишанин перестарался, усмиряя фашиста. Подждавший нас начальник разведки дивизии был крайне недоволен тем, что мы не сохранили пленному жизнь. В гневе он произнес: «Они (разведчики) притащили труп немецкого солдата из нейтральной полосы. Послать их в штрафную роту!»

К счастью все обошлось — мои травмы свидетельствовали о том, что разведчики имели дело с живым фашистом. В штрафную роту никто послан не был, а документы захваченного немецкого солдата оказались чрезвычайно важными.

Ответственное задание

В конце мая 1943 года мне выпала честь выполнять очень ответственное задание командования. С двумя разведчиками нужно было проникнуть в тыл противника, чтобы разведать огневые позиции, укрепления, резервы... Со мной отправились двое молодых, но уже достаточно опытных, как у нас говорили, обстрелянных ребят. Владимир Чаплыгин — молчаливый, замкнутый парень и Петр Мишанин — балагур, шутник. Тихо ступая, мы пробирались к вражескому переднему краю. У меня за плечами — полевая рация, автомат, за поясом гранаты. Весь этот груз был так ловко пригнан, что я почти не чувствовал его тяжести. За мной двигался Мишанин, замыкал Чаплыгин.

Позади остались наши окопы, вот и овражек, о котором предупреждал начальник разведки... Под

самым носом гитлеровцев нам удалось просочиться через их боевые порядки. За ночь отмахали несколько километров и оказались в глубоком тылу врага. На рассвете решили остановиться у небольшой прогнившей копны прошлогодней соломы, заросшей густым бурьяном — место неприметное и маскировка хорошая. Впереди небольшая высота, за ней поле, дорога. На многие километры видна местность... Я включил рацию, установил связь, сообщил свои координаты. Из-за рожи выползли вражеские тягачи, тянувшие пушки. Недалеко от опушки леса немцы начали занимать огневые позиции. К ложбине двигались машины с пехотой. Все увиденное я передавал телеграфом в штаб, тщательно наносил на карту, не упуская из виду ни одного вражеского объекта. Ночью мы переменили местонахождение и замаскировались в развалинах какого-то колхозного строения. Весь день продолжали наблюдения за передвижением вражеских частей и, самое главное, передавали информацию условными сигналами в штаб. Но долго работать на рации было опасно. Наконец получил ответный сигнал — возвращаться домой.

Ночью решили выйти на «старую» дорогу. Поднялся ветер, дождь с каждой минутой становился сильнее... Вот уже миновали болото и поползли по нейтральной зоне к своим позициям. Наши совсем близко. Но тут случилось непоправимое: Мишанин прикладом автомата нечаянно задел противопехотную мину. Сильный взрыв разбудил предрасветную тишину. Над полем польхнули ракеты, осветив всю округу. Гитлеровцы бросились в погоню. Наши артиллеристы, прикрывая нас, открыли огонь. Чаплыгин, напрягая последние силы, нес убитого Мишанина, а я полз с рацией. Еще усилие — и мы перевалились в наш окоп... Но весельчак, славный парень Петя Мишанин не мог этому порадоваться вместе с нами.

Неожиданная встреча

Большая радость получить на фронте письмо. Но бывают вести, которые лучше бы никогда не доходили... В начале августа 1943 года из дома пришло письмо, в котором сообщалось, что на Курской дуге погиб мой двоюродный брат Иван Алексеевич Александров. Грустно стало. Расстроенный, я засунул злосчастное письмо в карман...

Через неделю, когда наш 213-й стрелковый полк уже вел наступательные бои в Полтавской области, командование дало возможность личному составу привести себя в порядок. В овраге была размещена палатка с душевыми установками, и по графику подразделения приводили мыться. В один из таких дней, после импровизированной бани, я с товарищами курил под кустарником в ожидании остальных. В это время к нам подошел высокий солдат с винтовкой и спросил, где штаб 213-го стрелкового полка. Присмотревшись к нему, я узнал в нем... своего, якобы погибшего, двою-

Молодожены — Иван и Анастасия (в девичестве Волкова). Фотография сделана 26 февраля 1946 год в селе Иванцево

родного брата. Вот было радости! Я показал ему полученное из дома письмо, в котором сообщалось о его гибели. А брат рассказал, как было дело.

Он был командиром противотанкового орудия. Перед его расчетом была поставлена задача — не пропустить танки противника. Но наша пехота отступила, минув высоту, на которой располагалось орудие. Зато на нее устремились немцы, которых артиллеристы приняли за свою отступающую пехоту. Исправлять роковую ошибку было поздно. Перед тем, как мой брат со своим расчетом были взяты в плен, они успели прыгнуть в окоп и закопать документы. Внезапно, когда они под конвоем проходили по пшеничному полю, неся, как им приказали, на носилках раненого немца, «заиграли» наши «катюши». Гитлеровцы разбежались, а Иван с другими бойцами залег в пшенице. Случайный осколок нашего снаряда попал ему в голову. Сгоряча не почувствовав этого, он побежал, но потом потерял сознание. Очнулся лишь глубокой ночью и, истекая кровью, побрел наугад, пока не встретил наших танкистов, которые направили его в госпиталь. А та высота, где в траншее были закопаны документы, вскоре вновь была взята его частью. Документы нашлись и сослуживцы брата решили, что Иван погиб, о чем и сообщили родным. Хорошо, что весть оказалась ложной.

Герой Советского Союза

Полковник — Иван Ермолаевич Малышев

Форсирование реки Западной Двины

Вечером 21 июня 1944 года части и подразделения дивизии заняли исходные позиции в районе населенного пункта Сиротино Витебской области. Я со своей рацией находился на наблюдательном пункте полка, периодически поддерживая связь с его подразделениями, артиллерией, авиацией, с наблюдательным пунктом и штабом дивизии.

Утром 22 июня 1944 года наш полк перешел в наступление, преодолевая болотистую местность, создававшую дополнительные трудности. При этом противник оказывал упорное сопротивление, цепляясь за каждый населенный пункт, каждую возвышенность. Но мы упорно продвигались вперед, обходя опорные пункты врага, и к исходу 24 июня подошли к реке Западной Двине. Наше командование создало группы по 3-4 человека, которые должны были первыми форсировать реку на подручных средствах, захватить и удерживать плацдарм на западном берегу. В одну из таких групп вошел и я со своей рацией. Передо мной были поставлены задачи: обеспечивать бесперебойную связь с наблюдательным пунктом полка и дивизии, корректировать огонь нашей артиллерии.

Еще засветло мы стали подползать к крутому, обрывистому и поросшему кустарником берегу. Противоположный берег, тот, куда нам предстояло переправиться, был пологим, с редкими кустарниками. Вдалеке виднелись опушка леса и отдельные домики.

Несмотря на соблюдение всех мер маскировки, фашистам удалось разгадать наш замысел, они открыли сильный минометный огонь по нашему берегу и данному участку реки. От разрывов мин и снарядов казалось, что день превратился в ночь. Медлить было нельзя, поэтому в воду бросались все: кто умел плавать и кто не умел. Я плывал отлично и даже имел спортивный разряд, но переправляться надо было с рацией, гранатами, автоматом с дисками... Мой импровизированный «спасательный круг» из плащ-палатки с катаной соломой не выдерживал меня с таким грузом. Однако растерянность продолжалась не долго.

К моему счастью волной к берегу прибило деревянные бруски, доски. Связав концы бревнышек своими обмотками, и получив подобие плотика, я поплыл вперед. Вокруг рвались мины и снаряды, от разрыва которых я неоднократно переворачивался со своим «плотиком», но все-таки продолжал продвигаться к противоположному берегу. Уже миновал середину реки, когда от близкого разрыва мины лопнула с одного конца «плотика» обмотка. Бревна разошлись, и плыть стало очень тяжело. От сильного волнения дрожали руки и ноги, силы покидали, меня неудержимо тянуло на дно. В эти мгновения в голове мелькнула предательская мысль, что это конец... Но вдруг носок моего ботинка ощутил твердую почву. От радости прибавилось сил. Еще немного и я достиг берега. Быстро развернул рацию, однако она, побывав в воде, не действовала: батареи намокли и замыкали на корпус рации. Выручил

трофейный медицинский пластырь, оказавшийся в кармане. Изолировав им батареи от корпуса, включил рацию — она заработала, и в эфир полетел первый радиосигнал, сообщивший командованию о том, что группа закрепляется и ведет бой на западном берегу. Последовал приказ: расширять плацдарм, бить врага с близкого расстояния, корректировать огонь артиллерии по скоплениям и огневым точкам противника. Фашисты тоже усилили огонь и перешли в контратаку, однако споткнулись об отчаянное сопротивление наших десантников. Тогда в ход пошли танки.

Я корректировал огонь артиллерии — горели фашистские бронированные громадины, несла потери вражеская пехота. И все-таки несколько танков с пехотой неудержимо двигались напролом. Расстояние между нами сокращалось. Оставалось 150-100 метров... Корректировать огонь артиллерии стало невозможно, я передал координаты нахождения танков, где был сам: «Первый. Квадрат 7. Усилить огонь!» В наушниках на несколько секунд образовалась тишина. Сквозь нее прорвались гортанные крики немцев, становившиеся с каждой секундой громче. Но вдруг опять возник голос командира: «Чайка, Чайка! Повтори квадрат. Ты ошибся, ты — в 7-м квадрате!» Уже несколько десятков шагов отделяло меня от фашистов, еще немного и они смяли бы наш десант. Как можно спокойнее я повторил: «Квадрат 7. Ошибки нет. Огонь! Гибнет десант!!!» Я тогда ни секунды не сомневался в правильности моего решения. Наши артиллеристы поняли меня и накрыли квадрат 7 шквальным, долгим огнем «катушки». Земля кругом встала дыбом. Сознание покинуло меня...

Кончилась война

Сколько времени прошло после того боя, я не помню, боль пронизывала все тело. А когда пришел в себя и открыл глаза, то долго ничего не мог понять. Белые стены... Тишина... Чуть позже медсестра объяснила, что я в госпитале и что у меня тяжелая контузия. Долго я не воспринимал звуки, ничего не слышал и, откровенно говоря, не верил, что смогу вновь стать полноценным человеком. Через некоторое время в палату ко мне зашли офицеры во главе с начальником госпиталя и сообщили мне, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года я награжден высоким званием Героя Советского Союза. Мне рассказали, что атака фашистов при форсировании Западной Двины была отбита, плацдарм не только удержан, но и значительно расширен. В результате дивизия смогла со значительно меньшими потерями переправиться через реку и благополучно взять Витебск.

Звездочку Героя мне вручили тут же, в госпитале, а документы значительно позже, уже в самом конце войны я поехал получать в Москву в приемную Калинина. По дороге домой, в поезде, меня догнала радостная и долгожданная весть — кончилась война!

Встреча ветеранов 71-й Гвардейской ордена Ленина Краснознаменной Витебской стрелковой дивизии. 1971 год

Анатолий Петрович Баннов, Изабелла Яковлевна Козяева, Иван Ермолаевич Мальшиев – участники вахты памяти

Вместо эпилога

Войну Иван Ермолаевич закончил в звании сержанта. Его организм, неоднократно подвергавшийся тяжелейшим контузиям и ранениям, требовал долгого лечения и восстановления. После всего пережитого не очень-то хотелось делать военную карьеру, но знакомые уговорили Ивана Ермолаевича поступить в Муромское училище связи, которое он успешно окончил в 1947 году в звании лейтенанта. Потом была служба в Одесском военном округе в должности командира взвода связи, командира учебной роты, заместителя командира батальона связи по политчасти. В 1952 году Иван Ермолаевич поступил в академию имени В.И. Ленина, после окончания которой довелось служить в Венгрии. А демобилизовавшись, стал работать в Управлении книжной торговли Главного управления торговли МО СССР, которое значительное внимание уделяло созданию домов военной книги, популяризации литературы патриотического характера. Он с удовольствием вспоминает этот период — в его семье к книгам всегда относились с большим уважением.

Успешно складывалась и личная жизнь Ивана Ермолаевича. После войны он женился на Анастасии Николаевне Волковой, которую повстречал еще пятнадцатилетним подростком на вступительных экзаменах в педагогическое училище. И с тех пор по его словам она стала «вдохновенной мечтой не только в период учебы, но и работы, службы в армии и войны». Вместе с любящей верной супругой Иван Ермолаевич вырастил и воспитал двух хороших детей — сына Михаила и дочь Елену, а потом и четверых внуков. Патриот по своему убеждению, бывший военный сумел и сыну привить любовь к военной службе. Ныне он полковник. Дочь избрала профессию строителя.

Вспоминая теперь прожитые годы, Иван Ермолаевич говорит, что был счастлив дважды. Во-первых, когда прошел тяжелую войну от начала до конца и остался живым и, во-вторых, когда встретил на своем жизненном пути Настю Волкову.

Сегодня полковник в отставке, Герой Советского Союза Иван Ермолаевич Мальшиев живет один (у детей свои семьи, но отца одного надолго не оставляют и помогают чем могут). Несколько лет назад он потерял свою горячо любимую супругу, делившую с ним все тяготы нелегких послевоенных лет и кочевую жизнь военнослужащего. Смуглолицая, чернобровая красавица с длинными косами и сейчас не сводит с него глаз с многочисленных фотографий, запечатлевших счастливые эпизоды совместно прожитых лет... На пенсии энергичный характер Ивана Ермолаевича нашел применение в обширной общественной работе. В 1985 году он был избран председателем Совета ветеранов 71-й Гвардейской стрелковой дивизии, и лишь в 2001 году из-за нездоровья сложил с себя эти полномочия. Иван Ермолаевич регулярно ведет переписку со своими однополчанами, с людьми, повстречавшимися ему на фронтовых дорогах, с которыми вместе доводилось делить хлеб и кров.

Однажды совершенно случайно в газете «Советский патриот» ему на глаза попала заметка — обращение юных следопытов к участникам Великой Отечественной войны, освобождавших рабочий поселок Батурино. Герой живо на него откликнулся, отправив ребятам письмо, в котором подробно описал интересные их события, рассказал и о встрече с предателями, и о подвиге пасечника. Через несколько недель от школьников пришло радостное известие — они подтверждали изложенные факты, а также сообщали имя и адрес пасечника, оказавшего помощь нашим бойцам. Так у Ивана Ермолаевича завязалась переписка и со следопытами, и с очевидцем тех далеких событий. А в Коропской районной газете была напечатана статья о подвиге земляка — пасечника Гавриила Фадеевича Есипенко. Но время уходит свидетелей и участников военного лихолетья...

Грудь полковника в отставке И.Е. Мальшиева украшает множество наград — помимо Золотой звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина, орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Киева», «За оборону Сталинграда», 12 других медалей.

Иван Ермолаевич — почетный гражданин Ракитянского района Белгородской области. Весть о его подвигах дошла и до Великобритании, с его участием Би-би-си сняло документальный фильм о битве на Курской дуге.

Бывший фронтовик всегда желанный гость в школах, на всех торжествах, посвященных победе нашего народа над немецко-фашистскими захватчиками. С большим вниманием к Герою Советского Союза относится местная администрация, районный Совет ветеранов. Глава управы района Отрадное Анатолий Петрович Баннов говорит, что двери его кабинета для Ивана Ермолаевича всегда открыты. Но скромный от природы человек не злоупотребляет добрым к нему отношением и редко о чем просит.

55-ю годовщину Победы Иван Ермолаевич Мальшиев отметил, шагая в парадном строю по Красной площади, вместе с такими же, как он, ветеранами Великой Отечественной войны. И очень надеется снова быть там, на праздновании 60-й годовщины Великой Победы.

Помощь в издании воспоминаний Героя Советского Союза Ивана Ермолаевича Мальшиева оказали глава управы района Отрадное Анатолий Петрович Баннов, заместитель главы управы Наталья Васильевна Кошелева, председатель Совета ветеранов района Отрадное Изабелла Яковлевна Козяева, местное отделение Всероссийской политической партии «Единая Россия» Отрадное, председатель военно-патриотической комиссии Совета ветеранов Григорий Захарович Хайденко, член военно-патриотической комиссии Совета ветеранов Виталий Иванович Ермаков-Виноградов.

Литературная запись — Ирина Михайловна Колтакова.